

Ольга Дашкова

БУДЕТ БОЛЬНО

RUGRAM

Москва
2025

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)
Д21

Дашкова О.

Д21 Будет больно/ О. Дашкова. — М. : RUGRAM, 2025. — 240 с.

ISBN 978-5-517-13496-7

В первую нашу встречу я хотел ее поцеловать.

Во вторую — затащить в свою постель и больше никогда не выпускать оттуда.

А в третью... сам не знаю, что произошло и что будет между нами дальше.

Но... Будет больно... я уверен.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-13496-7

© Дашкова О., текст, 2025
© Art Studio, обложка, 2025
© RUGRAM, 2025

ГЛАВА 1

— Смотри, Макс, смотри, какая цыпочка! Сука, она специально ходит в таких обтягивающих юбках? Так и просит, чтобы ее трахнули. А титьки, Макс, вот это титьки, надо будет с ней замутить. Затащить в укромный уголок, в аудиторию какую-нибудь, и там трахнуть.

Макс пропускает все мои реплики мимо ушей, он где угодно, только не со мной.

— Ты вообще можешь думать о чем-нибудь, кроме как о титьках и задницах? Завязывай так часто смотреть порно.

— Мои мысли идут в правильном направлении, куда и положено для двадцатилетнего парня. Я должен думать о них в этом возрасте. У тебя, я смотрю, они тоже в нужном направлении, хотя ты совсем меня не слушаешь.

Специально потащил Макса, чтобы показать ему новую преподшу, она чистый, мать его, ходячий секс, но, думаю, сама этого не понимает. На парах все равно друга не застать, так хоть здесь поговорить и не только о титьках англичанки. Но Макс на нее даже не взглянул, я понимаю, все его мысли крутятся вокруг другой женщины.

— Кто такая? — Макс, наконец, спрашивает, не отрываясь от телефона, пересматривает какие-то фото.

— Кто «кто»?

— Секси-телка твоя новая.

— Пока не моя, но я это исправлю.

— Так кто она такая?

— Ты, блядь, вообще слушаешь меня или нет?

— Слушаю. Я тебя внимательно слушаю. Всегда внимательно, Арни.

Макс, естественно, считает, что все мои разговоры о девушках несерьезны, как и мое к ним отношение. Все верно, я поддерживаю свою репутацию, девчонки сами знают, на что идут, встречаясь со мной, так что их разбитые сердца меня волнуют меньше их влажных кисок. Да будет так всегда.

— София Валерьевна. Англичанка новая, я уже на двух парах у нее был. Это тебе похуй на языки, тебя никто не контролирует, у тебя нет отца.

— Значит, София Валерьевна?

— Батюшки! Да-да-да, нагнись, вот так, нагнись, детка. Твою же мать, у меня уже стоит.

Ерзаю на стуле, у меня не бывает стояка от одного только взгляда на красивую девчонку и ее попку. Но вот англичанка особенная, не могу от нее оторвать взгляда.

В кафетерии людно, на другой его стороне София Валерьевна в интересной позе собирает с пола рассыпавшиеся листы бумаги. На ней темная водолазка, облегающая бежевая юбка, она идеально подчеркивает упругую попку.

Блондинка, волосы собраны в высокий пучок, несколько прядей выбилось наружу. Когда она встает, выпрямляется и одергивает юбку, пытаюсь разглядеть ее лицо, но она стоит ко мне боком, это сделать трудно. Глаза скрывает черная оправа очков, она чем-то расстроена, это плохо.

Какая сука ее обидела? Осматриваюсь по сторонам.

— Да, Арни, она в твоем вкусе. Как, впрочем, девяносто процентов телок в этом помещении.

— Пф... — качаю головой и, не отрывая глаз, наблюдаю за Софией. — Неправда, она особенная.

— Сколько ей? Ты ведь не любишь дамочек постарше.

— Отчего не люблю? Люблю. Я же ведь предлагал замутить с твоей мачехой, а ты не разрешил.

Специально донимаю Макса, знаю, я за это могу получить по лицу, но надо как-то его выводить уже из ступора.

Между ними явно что-то происходит, я лишь подливаю масло в огонь, вызывая ревность.

— Только, блядь, попробуй.

— Эй, эй, стоп! Але! Я только предложил. Какого хрена ты так, блядь, реагируешь? Сколько можно? Ты вконец уже задрал, всю неделю дерганный какой-то, пропадаешь, не отвечаешь на звонки. Машка постоянно вся в слезах. Меня уже напрягает утирать ее сопли.

— Срать на Машку.

— А ей вот на тебя — нет. О, кстати о Машке. Эй, Вербина, мы тут. И парень твой пока еще тоже здесь.

Макс вздыхает, качает головой.

— Арни, сука, ты договоришься, я когда-нибудь подрихтую твою смазливую мордашку.

— Я жду этого момента. Словно без тебя это сделать некому.

Макс поджигает губы, понимает, что сказал лишнего, а я отгоняю все мысли по этому поводу. Друг снова утыкается в свой телефон, набирая очередное сообщение наверняка Инге. Подходит Машка, демонстративно бросив сумку на стол, заставляя его подвинуться.

— Макс, поговорить бы надо.

— Говори, я тебя слушаю.

— Не ожидала вас здесь увидеть.

— Мы сами в шоке, Маш, но ты нас нашла, — вставляю свои реплики, а сам наблюдаю за своей училкой. Ну, она хорошенькая, такая милая, а в то же время сексуальная. Ее губы так и кричат: «Хочу твой член». Ерзаю снова, считаю, что стояк в кафетерии универа — это как-то совсем не к месту.

Надо бы узнать о ней побольше, кто такая, откуда взялась. К нам в универ кого попало не берут, здесь обучается элита, будущее российской экономики и бизнеса.

Те, что спокойно прожигают бабки родителей, прогуливают пары, но потом наверстывают, иначе бабок не будет. Иначе родители прикроют кормушку, и в лучшем случае те, кто не сторчится, унаследуют родительский бизнес.

Круговорот дерьма и денег. Здесь случайных нет.

Машка с Максом спорят. Она считает, что он ее парень, Самойлов же ничей парень, как и я, ему плевать на Машку, он сам себе на уме, но Машка думает иначе. Гонки на байке и бои без правил — его страсть, все киски подождут.

— Он придурок, забей, Маш, — вставляю слово, иначе они разосрутсЯ прямо здесь. — О, кстати, и то, что ты вчера сказала, меня тоже заинтересовало. Макс, ты реально трахаешь свою мачеху? Вот прям реально-реально?

Повисла долгая пауза. Я провоцирую. Я не такой мудак, чтобы лезть в жизнь друга, но уверен, там у них с мачехой не так все просто. И если Макс так реагирует, то там полный пиздец, моими словами!

— Так, друзья-товарищи, хочу пояснить. Не ваше дело, чем я занимаюсь и кого трахаю. Не твое, Мария, и не твое, Арнольд, как бы я тебя ни уважал.

— Окей, вопрос отпал, — поднял руки.

— А вот у меня не отпал. А я тебе кто такая, Макс?

— Вербина, не начинай.

— Я не начинаю, а продолжаю. Я тебе кто? Девочка «подойди сюда и сиди здесь»? Или девочка «ляг, раздвинь ноги»?

— Маша, ты мой друг. Ты довольна?

— Нет. И, между прочим, я с тобой дружить не буду, ты совсем придурок? — лицо Маши покраснелось. — А еще я твоей шлюхе высказала все, что я о ней думаю. Кто ты мне и кто я тебе.

— Что?

Все, сейчас всем хана. Сейчас кто-то разнесет кафетерий.

— И что ты ей сказала? — Макс хватается Машку за локоть, дергает на себя. — Отвечай!

— Ничего такого, что не могло бы быть правдой. А знаешь, что она ответила? Что ты ей никто, что у вас ничего нет и она на тебя не претендует. Ну хоть у нее есть мозг. А то я уже думала, пиздец какой-то творится в жизни.

— Сука!

Сам вскакиваю на ноги, пытаюсь успокоить друга, нет, он не будет бить Вербину, тогда шансов выжить у нее мало. На нас все смотрят, включая мою секси-училку. Макс отталкивает Вербину, уходит, это так типично.

— Маш, ты больная? Какого хрена ты творишь?

— Отвали, ты еще меня будешь учить, задрали все!

Вербина хватается сумку, резко разворачивается, уходит, напоследок толкая плечом мою блондинку, она снова роняет папки из рук, листы разлетаются по полу.

Да черт!

Ей даже никто помочь не может. Медленно подхожу, сажусь на корточки, собираю листы, это тесты для контрольных. Наши пальцы соприкасаются, легкий разряд тока проходит по коже, девушка поднимает на меня глаза, под очками они кажутся большими, в них стоят слезы.

Да какая сука ее обидела?

Надо бы отвести ее сегодня до дома.

Но как только я хочу заговорить, цепляюсь взглядом за тонкий ободок обручального кольца на безымянном пальце.

Это нехорошо.

Но кто или что меня когда-либо останавливало? Никто. Ничто.

— Плохой день? — спрашиваю по-английски, девушка удивленно скидывает идеальную темную бровь.

— Нет, обычный, — голос тихий, но твердый, отвечает тоже на английском. — А у вас, Арнольд, с прошлого занятия остался долг.

— Я уверен, что мы что-то придумаем, и я его закрою, — улыбаюсь, демонстрируя идеальное произношение.

Я могу и не ходить на ее занятия, ничего нового я там не узнаю. Я несколько лет подряд все лето проводил в английской закрытой школе.

То, что София помнит мое имя, хорошо.

А вот кольцо обручальное — это плохо.

Но, черт, так даже интересней.

ГЛАВА 2

— Софа? Софа, это ты?

— Да, тетя, это я.

— Софа? Софа, это ты?

Закрываю дверной замок на два оборота, прислоняюсь к ней плечом, вздыхаю от усталости.

— Софа!

— Да я это, я, тетя. Можно подумать, мог прийти кто-то другой, — пробурчала под нос, разуваясь, протискиваясь через узкий коридор, заваленный коробками, книгами и прочим хламом, на кухню.

— О, Софа, это ты.

— Да, тетя Роза, это я. Ты ждала кого-то кроме меня?

— Не смей меня, деточка, я старая еврейская женщина, я могу ждать только снижение цен на коммунальные услуги и Хануку, но не думаю, что это случится в ближайшее время. Ты купила яйца?

— Черт, — процедила сквозь зубы, но тетя Роза все равно услышала. — Извини, забыла, день был тяжелым, большая нагрузка.

— А я тебе говорила, зря ты ушла от Андрюшеньки, так бы сейчас жила как у Христа за пазухой и не знала, что такое общественный транспорт и цены на яйца. Ты такая же глупая, как и твоя мать, у вас это передалось по наследству. А все потому, что она, как добропорядочная еврейская женщина, не вышла замуж за добропорядочного еврейского мужчину. Святые небеса, как за ней ухаживал Иосиф, госпо-

ди, хотела бы я увидеть снова, это была такая красивая пара, что завидовали все.

Историю про добропорядочного Иосифа Рубинштейна, который хотел жениться на моей маме, я слышу в миллионный раз. Тетю теперь не остановить, нужно просто ее не перебивать. Начала выкладывать из бумажного пакета покупки, я взяла все, что говорила тетя, все, кроме яиц, будь они неладны.

Но если бы только яйца меня расстраивали сегодня, к ним сегодня прилагался целый человек, даже двое. Тот самый Андрюшенька, он же муж, уже бывший, и завкафедрой иностранного языка Платон Викторович Голубев.

— А твоя мать, как говорят, вильнула хвостом и сделала великую глупость — влюбилась в твоего отца. И чем все это закончилось? Софа, ты опять купила этот бумажный пакет, он стоит бешеных денег. Софа, ну сколько можно так транжирить? Мы так пойдем по миру с протянутой рукой.

Тетя Роза всплеснула руками, потом театрально прижала их к груди. На тесной кухне места было мало, но полная женщина с непослушными седыми кудрями и печальными карими глазами ловко передвигалась.

— Он недорогой, тетя.

— Это уже пятнадцатый, я считаю. Тетя Роза все считает, она не зря работала тридцать пять лет бухгалтером на ликероводочном заводе. Я пережила семь директоров, семь, Софа, и никто не показал на тетю Розу пальцем. А все почему?

— Я промолчу. — Я действительно не хотела поднимать и эту тему.

— Потому что тетя Роза кристальной правдивости человек. Ну что ж, без яиц так без яиц. Софа, ты расскажешь мне, что произошло между тобой и Андрюшенькой?

Тема разговора менялась молниеносно.

— Ой, не называй его так, тетя, я тебя умоляю. Ничего не произошло, мы поняли, что мы слишком разные.

Хорошо, что я поняла это так рано, а не через двадцать лет.

— Разные? Как пара носков? Один левый, другой правый? Большой глупости не слышала.

— Типа того. Извини, я пойду, хочу принять душ.

Разговор об Андрюшеньке вызывал паническую атаку. Уже начало покалывать подушечки пальцев, и сердце участило свой ритм. Я ненавидела Андрюшеньку всей своей душой и ничего не могла с этим поделать. Было за что.

— Постой. Если уж ты живешь у меня, то, будь добра, выслушай, — сказала тетя твердо и уже без шуток.

Остановилась, я так и не сняла пальто, стало жарко, но, сняв очки, сжала переносицу пальцами и посмотрела на тетю. Да, пойти мне после развода было некуда, я бездомная, у меня нет ничего. Ни сбережений, которые Андрюшенька так удачно вложил в свой бизнес, ни квартиры мамы, которая была продана, чтобы как раз стать сбережениями для удачного вложения в бизнес.

А еще потому, что я конченная, клиническая дура, как сказала моя подруга Злата, но это она говорила по поводу моего ухода от Андрея, приняв его так же отрицательно, как и тетя. Но дура я была в другом — в том, что раньше не открыла глаза и не поняла, кем на самом деле был Андрей Романов.

Пять лет, господи, пять долгих лет я была его игрушкой, даже не замечая этого. Прикусила губу, чтобы не расплакаться вновь, надела очки, спрятала руки в карманы пальто, пальцы сразу наткнулись на тонкий ободок обручального кольца, сжала его в ладони.

Всегда снимаю его в метро, на работе оно всего лишь ширма. Но как же странно сегодня на кольцо посмотрел Арнольд, точнее, студент Шульц. У него безумно красивые глаза, как чистое небо, но это обманчиво.

— Я слушаю.

— Ты как твоя мать, Софа, прекращай на меня так смотреть, я чувствую себя тираном.